

Роберт Льюис Стивенсон

Дверь сира де Малетруа

*Часть сборника
Алмаз раджи (сборник)*

Новые тысячи и одна ночь

Роберт Льюис Стивенсон

Дверь сира де Малетруа

«Public Domain»

1878

Стивенсон Р.

Дверь сира де Малетруа / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1878 — (Новые тысячи и одна ночь)

«Дени де Болье не минуло еще двадцати двух лет от роду, но он считал себя вполне взрослым и совершенным кавалером. В те грубые, воинственные времена мужчины рано развивались. Если юноша участвовал хотя в одном правильном сражении или в десятке набегов и успел кого-нибудь убить приличным образом, если при этом он мог поговорить о военном искусстве и усвоил обычные манеры людей своего круга, то его и взаправду считали «совершенным кавалером» и легко прощали невинное фанфаронство — стремление казаться старше своих лет...»

© Стивенсон Р., 1878

© Public Domain, 1878

Роберт Льюис Стивенсон Дверь Си́ра де Малетруа

Дени де Болье не минуло еще двадцати двух лет от роду, но он считал себя вполне взрослым и совершенным кавалером. В те грубые, воинственные времена мужчины рано развивались. Если юноша участвовал хотя в одном правильном сражении или в десятке набегов и успел кого-нибудь убить приличным образом, если при этом он мог поговорить о военном искусстве и усвоил обычные манеры людей своего круга, то его и взаправду считали «совершенным кавалером» и легко прощали невинное фанфаронство – стремление казаться старше своих лет.

Дени с должной заботливостью поставил свою лошадь в конюшню гостиницы, с должной солидностью поужинал, а затем в отличном расположении духа отправился в гости. Это было не особенно благоразумно. Лучше было дожидаться утра, так как город занимали английские и бургундские союзные войска, и хотя у Дени в кармане был пропуск для ходьбы вечером по улицам, но это была не очень надежная защита при возможных случайных столкновениях в городе, объявленном на военном положении.

Дело происходило в сентябре 1429 года. Погода стояла отвратительная. Порывистый, бешеный ветер с дождем крутил опавшие с деревьев аллеи листья. Кое-где в окнах виднелся свет; временами до слуха Дени доносились и быстро умолкали крики и гульба веселившихся после ужина солдат. Быстро наступала ночь. Английский флаг, развевающийся на верху высокого шпиля, побледнел на фоне бегущих облаков, уносимых ветром, и превратился в темное пятно, похожее на провал в бурном, свинцово-сером хаосе неба.

Дени де Болье шел быстро и вскоре уже стучал в двери дома, где жил его друг. Но, хотя он и обещал самому себе пробыть недолго и рано вернуться домой, его встретили так радушно и самому ему было так весело, что давно уже прошла полночь, когда он попрощался на пороге со своим приятелем. За это время ветер стих, но на улице было черно как в могиле, из-за густых туч не видно было ни звезд, ни луны. Дени был плохо знаком с запутанными переулками Шато-Ландона; даже днем он затруднился бы в выборе между ними, а теперь, при совершенной темноте, он вскоре совсем потерял дорогу. Он знал только одно – надо подняться на холм, так как дом его друга находился на нижнем конце города, а гостиница Дени стояла наверху, у церкви. Руководствуясь одним этим указанием, он подвигался точно ощупью и вскоре вышел на открытое место, где над головой виднелся уже порядочный кусок неба. Жуткое и неприятное положение – очутиться в полной темноте в почти незнакомом городе!

Прикосновение руки к холодным оконным переплетам заставляет человека вздрагивать, как от прикосновения жабы; от неровностей мостовой он то и дело спотыкается; в наиболее темных местах ему угрожают неровности и ямы; и чем яснее воздух, тем более странный, непонятный вид принимают дома и отклоняют путника от верного пути. Дени все это на себе испытал. Но надо было скорее добраться до гостиницы – только там можно было считать себя в безопасности, – и потому он шел как можно быстрее, но осторожно, останавливаясь на каждом углу, чтобы рассмотреть дорогу.

Некоторое время он шел по такому узкому переулку, что мог прикоснуться руками к противоположным стенам. Затем переулок круто обрывался вниз. Было ясно, что эта дорога не вела к его гостинице, но надежда на лучшее освещение побудила его пойти вперед на разведку. Переулок оканчивался террасой с сторожевой башней, в которой было отверстие. Через это отверстие, как сквозь амбразуру, можно было различить далеко внизу долину под городом, а в ней темную аллею, сквозь которую светлым пятном виднелась полоса реки, протекавшей здесь через шлюзы. Небо несколько прояснилось, нависшие тучи уже заметно отделялись от черных вершин окрестных холмов.

Оглянувшись на террасу, Дени смог рассмотреть, что ближайший дом отличается необычайной архитектурой. Прежде всего его поразил слабый свет наверху, точно из многих отверстий. Вглядевшись, Дени различил, что этот свет исходит из замысловатой сети фигурных оконцев круглой часовни, но сама часовня словно висит в воздухе. Он не сразу рассмотрел, что ее поддерживает ряд других откосов, отходящих от массивной стены дома. Этот слабый свет еще резче оттенял черноту остроконечной крыши и нескольких примыкавших к ней башенок. Затем Дени увидел и большой глубокий портик, украшенный изваяниями, а над ним – два каменных чудовища, скрывавшие в своих пастях концы длинных водосточных труб. Дени решил, что это городское жилище какого-нибудь знатного сеньора, вспомнил вдруг свой дом в Бурже и еще некоторое время постоял здесь, мысленно сравнивая архитектуру обоих домов, богатство и знатность их обитателей.

Надо было подумать о дальнейшей дороге. От террасы, казалось, был лишь один выход – тот самый переулочек, который привел его сюда. Оставалось только подняться по нему обратно. Дени это не смутило: он теперь знал, что находится высоко на горе и потому недалеко от главной улицы, где стояла его гостиница. Дени быстро двинулся по переулочку, но не успел пройти сотню-другую шагов, как увидел факелы спускающегося патруля и услышал громкие голоса солдат. Дени приостановился и с тревогой заметил, что солдаты пьяны. «С ними и пропуск не поможет – могут убить прямо как собаку, и баста!» – подумал Дени. Он решил потихоньку удалиться.

К несчастью, когда он быстро обернулся, чтобы побежать назад, то споткнулся о камень и упал, не сдержав легкого крика, а его шпага громко зазвенела, ударившись о камни мостовой. Два или три солдата крикнули по-французски и по-английски: «Кто там?» Дени не ответил и быстро побежал вниз по переулочку. На террасе он приостановился, чтобы осмотреться. Солдаты уже бросились в погоню, громко бряцая оружием и направляя факелы во все темные уголки.

Дени огляделся кругом и бросился в портик того дома, которым перед тем любовался. Там его могли совсем не заметить, и, во всяком случае, это была позиция сравнительно очень выгодная для ведения переговоров или самозащиты. Думая так, он вынул шпагу и прислонился к двери. К его удивлению, дверь поддалась под давлением его спины, и, хотя он в тот же момент отскочил, продолжала открываться на бесшумных, смазанных маслом петлях, пока не открылась полностью. За дверью было совершенно темно. Когда обстоятельства благоприятствуют заинтересованному человеку, он не особенно расположен критически разбирать, как и почему это произошло, – его собственное личное удобство кажется достаточным объяснением наиболее странных и неожиданных перемен в подлунном мире. Поэтому Дени, ни секунды не раздумывая, вошел внутрь и притворил за собой дверь, чтобы обеспечить себе убежище. Ему не приходило в голову закрыть ее совершенно, но по какой-то необъяснимой причине, – может быть, благодаря пружине или скрытой гире – тяжелая масса дубового дерева выскользнула из его рук и захлопнулась с сильным стуком.

В этот самый момент патруль уже подошел к террасе, продолжая окликать беглеца с угрозами и ругательствами. Дени слышал, как солдаты разыскивали его во всех закоулках террасы; они подошли даже к двери, за которой стоял Дени, и несколько раз ткнули в нее мечами. К счастью, весь патруль был слишком навеселе, чтобы довести поиски до конца. Они удалились, и скоро совершенно умолкли пьяные крики и бряцанье оружия.

Дени вздохнул свободно. Для безопасности он подождал еще несколько минут, а затем стал ощупывать дверь, чтобы открыть ее и снова выйти на террасу. Внутренняя сторона двери оказалась совершенно гладкой: не было ни ручки, ни украшений, ни выступов. Он запустил ногти в края двери и потянул ее к себе, но она не поддавалась. Он попробовал ее потрясти, но она оказалась крепкой, как скала. Дени де Болье нахмурился и тихонько присвистнул. «Что с дверью? – удивлялся он. – Каким образом она открывалась?» Как могла она так легко и крепко закрыться за ним? В этом было что-то темное и таинственное, что не очень нравилось моло-

дому человеку. Все это было похоже на западню, но кто мог предполагать западню в таком спокойном и великолепном доме, благородном даже по внешности? И, однако, западня это или не западня, намеренная или ненамеренная, а он был отличнейшим образом пойман – на улицу не было никакого выхода. Темнота начала давить его. Дени стал прислушиваться: сначала все вокруг казалось тихо, но вдруг где-то недалеко послышался точно слабый вздох, тихое рыдание, а затем – осторожный скрип, как будто поблизости скрывались люди, старавшиеся не производить никакого шума. Все существо Дени потрясла мысль об опасности, и он повернулся лицом по направлению подозрительных звуков. Тогда в первый раз он увидел внутри дома, на некоторой высоте, полоску света, которая, казалось, выходила через щель между двумя половинками какой-то портьеры. Видеть свет было уже облегчением для Дени; он почувствовал что-то вроде того, что испытывает человек, который долго не мог выбраться из болота и вдруг нащупывает ногой твердую почву.

Он стоял и пристально глядел на полоску света, стараясь связать воедино некоторые логические соображения относительно всего его окружающего. Очевидно, что к двери, из которой шел свет, вели ступеньки. Он увидел и другую полоску света, тонкую, как игла, и слабую, как фосфорический отблеск, которая точно скользила по полированному дереву перил. С тех пор как ему пришло в голову, что он не один, сердце его забило с необыкновенной силой, и непреодолимое желание что-либо предпринять всецело овладело им. Ему казалось, что он находится в смертельной опасности. Что же могло быть естественнее, чем подняться по ступенькам, отодвинуть портьеру и сразу пойти навстречу всем неприятностям? Во всяком случае, он должен узнать что-нибудь, а кроме того, он не будет больше в темноте. Дени тихонько зашагал вперед с протянутыми руками, пока ноги его не коснулись ступенек; затем он быстро поднялся по лестнице, остановился на мгновение, чтобы собраться с духом, и, с силой раздвинув портьеру, вошел.

Он очутился в очень большой комнате с облицовкой из камня. В трех стенах было по двери, а в четвертой – два больших окна, между которыми находился камин, украшенный резьбой и гербами рода де Малетруа.

Дени узнал гербы и был доволен, что очутился в таком хорошем доме. Комната была ярко освещена, но в ней почти не было мебели, кроме массивного стола и двух кресел. Камин не топился. Пол был устлан камышом, очевидно, очень старым.

На высоком кресле около камина, как раз лицом к Дени, сидел маленький старый джентльмен, закутанный в меховую накидку. Он сидел со скрещенными ногами и сложенными на груди руками; кружка с пряным вином стояла около него на полочке у стены. Лицо его носило выражение мужества и силы, – но какой-то нечеловеческой силы. Скорее, это было выражение, какое мы встречаем у быка, козла или борова: двусмысленное и льстивое, алчное, свирепое и опасное. Верхняя губа его была очень толста, точно распухла от удара или зубной боли; улыбка, остроконечные брови и маленькие острые глаза имели странное, какое-то комически-неприятное выражение. Красивые седые волосы обрамляли все лицо, как у святого, и одной густой прядью ниспадали на воротник. Борода и усы могли служить образцом старческой красоты. Однако возраст – быть может, вследствие особенных предосторожностей и тщательного ухода – нисколько не отразился на его руках, которые выделялись своей красотой. Было бы трудно себе представить, не видя его, это сочетание чего-то плотского и деликатного в форме его рук: заостренные пальцы напоминали пальцы женщин Леонардо да Винчи. Ногти были вполне совершенной формы и отличались мертвенной, поразительной белизной. Вид старика казался тем более страшным, что такие руки подходили бы к деве-мученице, сложившей их на своей груди, но представляли слишком сильный контраст с жестким, прямо страшным выражением лица этого человека. Он же, точно языческий бог или его изваяние, сидел неподвижно на стуле, с глубокой иронией и коварством во взгляде.

Таков был Алэн, сир де Малетруа.

Дени и он молча смотрели друг на друга в течение нескольких секунд.

– Прошу, войдите, – сказал сир де Малетруа, – я ждал вас весь вечер.

Он не встал, но слова его сопровождались улыбкой и легким, но вежливым кивком головы. Отчасти вследствие этой улыбки, отчасти вследствие какого-то странного мелодического рокота, который слышался в голосе сира де Малетруа, Дени до мозга костей пронизало острое чувство отвращения к старику. Благодаря этому и понятному смущению он едва смог найти несколько слов для ответа.

– Боюсь, – сказал он, – что произошло двойное недоразумение. Я не тот, кого вы ожидали. Кажется, вы ожидали гостя; что же касается меня, то в мои намерения не входило и не могло входить совершение подобного вторжения.

– Ну-ну, – ответил старик снисходительно, – вы здесь, а это главное. Садитесь, друг мой, и располагайтесь, как вам удобнее. Теперь мы потолкуем о нашем маленьком деле.

Дени видел, что положение еще более осложняется благодаря продолжающемуся недоразумению, и поспешил со своими объяснениями.

– Ваша дверь... – начал он.

– Вы говорите о моей двери? – спросил хозяин, поднимая свои остроконечные брови. – О, это мое маленькое изобретение! – Он пожал плечами. – Широкое гостеприимство... По вашим словам, вы не имели ни малейшего желания познакомиться со мной. Что ж, старикам приходится мириться с антипатией к ним. Только когда антипатия эта затрагивает нашу честь, мы придумываем способ победить ее. Вы явились без приглашения, но, поверьте, будете желанным гостем.

– Вы продолжаете заблуждаться, мессир, – сказал Дени. – Между нами не может быть ничего общего. Я совершенно чужой человек в этих краях. Мое имя Дени, я сын покойного де Болье. Если вы видите меня в своем доме, то только...

– Мой молодой друг, – перебил старик, – позвольте мне иметь на этот счет собственное мнение. Может быть, оно в настоящий момент отличается от вашего, – и он искоса взглянул на молодого человека, – но время покажет, кто из нас был прав.

Дени пришел к заключению, что имеет дело с помешанным. Пожав плечами, он уселся, чтобы терпеливо ждать развязки. Наступила пауза, во время которой Дени показалось, что он различает быстрый шепот, похожий на чтение молитвы, и что шепот доносится из-за портьера как раз напротив него. Иногда ему слышался один голос, иногда два; сильный, низкий голос, казалось, свидетельствовал то о подъеме, то об упадке духа молящегося. Он подумал, что портьера закрывает вход в часовню, которую заметил снаружи.

Старик все это время с улыбкой рассматривал Дени с головы до ног, по временам издавая легкий звук, похожий на щебетанье птицы или писк мыши и выражавший, должно быть, высокую степень удовольствия.

Положение стало вскоре невыносимым для Дени, и, чтобы прекратить его, он вежливо заметил, что ветер утих.

Со стариком сделался припадок молчаливого смеха, настолько сильный и продолжительный, что лицо его стало совсем красным.

Дени вскочил и с решительным жестом надел шляпу.

– Сир, – сказал он, – если вы в твердом уме, то жестоко оскорбляете меня. Если вы не в здравом уме, то я мог бы с большей пользой употребить свои умственные способности, чем на беседу с сумасшедшим. Теперь я ясно понимаю, в чем дело. Вы с первой же минуты заставили меня играть роль дурака; вы отказались выслушать мои объяснения, но нет такой власти под небом, которая заставила бы меня оставаться здесь дольше! Если я не могу уйти отсюда более пристойным образом, я шпагой в куски изрублю вашу дверь!

Сир де Малетруа протянул правую руку и пошевелил пальцами.

– Дорогой племянник, – сказал он, – успокойтесь и садитесь!

– «Племянник»?! – вскричал Дени. – Вы это солгали! – И он вызывающе шелкнул пальцами по направлению к старику.

– Садитесь же, негодяй! – закричал вдруг старик неожиданно громким голосом, грубым, как собачий лай. – Не воображаете ли вы, – продолжал он, – что, устроив приспособление, чтобы за вами захлопнулась дверь, я на этом и покончил? Если вы предпочитаете быть связанным по рукам и ногам, пока не затрещат у вас кости, вставайте и попробуйте выйти отсюда. Если предпочитаете остаться свободным молодым человеком, любезно беседующим со старым джентльменом, тогда сидите спокойно, и да сохранит вас Бог!

– Вы хотите сказать, что я в плену? – спросил Дени.

– Я только устанавливаю факты, – ответил собеседник, – а вам предоставляю делать заключения.

Дени снова сел. По внешности он казался спокойным, но внутри у него все то кипело гневом, то холодело от страха. Он уже не думал, что имеет дело с сумасшедшим. Но если старик здоров, то что ему от него нужно, ради Создателя? Какое нелепое и трагическое происшествие! Как ему держаться?

Пока он предавался неприятным размышлениям, портьера, закрывавшая дверь в часовню, откинулась, и оттуда вышел высокий человек в облачении священника и, бросив испытующий взгляд на Дени, сказал что-то шепотом старику.

– Она в лучшем расположении? – спросил тот.

– Более уступчива, мессир, – ответил священник.

– Ну, теперь да поможет ей Бог! – сказал старик и презрительно засмеялся. – Ей трудно угодить, – продолжал он. – Юноша приятный, не низкого происхождения, к тому же по ее собственному выбору. На что же больше может она рассчитывать?

– Положение не совсем обычное для молодой девицы, – сказал священник, – и является большим испытанием для ее скромности.

– Ей бы прежде нужно было подумать об этом. Богу известно, что я тут ни при чем. Но раз уж наша барышня пошла на это, она должна принять и все последствия. – И, обращаясь к Дени, старик спросил: – Господин де Болье, могу я представить вас своей племяннице? Она ожидала вашего появления, должен сказать, с еще большим нетерпением, чем я сам.

Дени поневоле пришлось покориться. Все, чего он желал, это как можно скорее узнать самое худшее, что его ожидает. Поэтому он тотчас же встал и учтиво поклонился. Сир де Малетруа последовал его примеру и, прихрамывая, опираясь на руку священника, пошел к часовне. Священник откинул портьеру, и все трое вошли.

Строение выделялось своей архитектурой. Легкий красивый свод покоился на шести больших колоннах и был богато украшен. Круглое пространство за алтарем также украшалось массой рельефных орнаментов; оно было пронизано многими окнами в форме звезд, трилистников и кругов. В окна плохо были вставлены стекла, и ночной воздух свободно разгуливал по часовне. Восковые свечи, около полусотни которых было зажжено на алтаре, задувались ветром, и свет то был очень ярким, то наполовину ослабевал. На ступеньках алтаря стояла на коленях молодая девушка, одетая богато, как невеста. Мороз пробежал по телу Дени, когда он увидел наряд невесты. С отчаянной силой он пытался отбросить рождавшиеся предположения. Нет, ничего подобного не могло, не должно было быть!..

– Бланш, – сказал старик своим наиболее тонким голосом, – я привел к вам друга, который очень желает видеть вас, моя маленькая девочка. Обернитесь и дайте ему свою хорошенькую ручку. Очень хорошо быть набожной, но надо же быть и вежливой, племянница моя.

Девушка поднялась с колен и обернулась к пришедшим. Она пошла к ним колеблющимися шагами. Утомление и стыд сквозили в каждой линии ее молодого существа; голова была низко опущена, глаза глядели на пол, пока она медленно приближалась. Вдруг взор ее упал на ноги Дени де Болье – ноги, которыми, надо заметить, он очень гордился и которые обувал в

самую элегантную обувь даже во время путешествий, – и она остановилась, точно от вида его желтых башмаков ей стало особенно неловко. Девушка быстро подняла глаза на обладателя столь элегантной обуви. Взоры молодых людей встретились. Выражение стыда сменилось на лице девушки выражением страха и ужаса: губы ее побелели, с пронзительным воплем она закрыла лицо руками и упала на пол часовни.

– Это не тот! – вскричала она. – Дядя, это не тот!

Сир де Малетруа любезно прошептал:

– Конечно, нет, я так и ожидал. Очень неприятно, что вы не смогли вспомнить его имени.

– Это правда, правда, я никогда до этой минуты не видела этого господина! – закричала она. – Я никогда и глаз на него не поднимала, и я не хочу его видеть! Мессир, – добавила она, обращаясь к Дени, – если вы благородный человек, вы подтвердите мои слова. Видела ли я вас когда-нибудь, видели ли вы меня когда-нибудь до этой минуты?

– Что касается меня, то я никогда не имел этого удовольствия, – ответил молодой человек. – В первый раз в жизни, мессир, я вижу вашу уважаемую племянницу.

Старик пожал плечами.

– Очень грустно это слышать, но что же делать! – сказал он. – Я сам был мало знаком со своей покойной женой в то время, как женился на ней, и это доказывает, – добавил он с гримасой, – что такие неожиданные браки часто влекут за собой великолепное согласие в последующей жизни. Что касается жениха – он, вероятно, желает иметь голос в этом деле, – то я даю ему два часа, которые он может провести до церемонии бракосочетания. – И он направился в сопровождении священника к двери.

Девушка мгновенно вскочила на ноги.

– Дядя, не может быть, чтобы вы серьезно это говорили! – вскричала она. – Клянусь Богом, я скорее наложу руки на себя, чем выйду за этого молодого человека! Вся душа моя возмущена! Бог запрещает такие браки! Вы позорите свои седые волосы! О, дядя, сжальтесь надо мной! Нет женщины во всем мире, которая не предпочла бы смерть такому браку! Может быть, – добавила она прерывающимся голосом, – вы не верите мне, может быть, вы до сих пор думаете, что... – И она посмотрела на Дени, дрожа от страха и презрения. – Вы до сих пор думаете, что это тот?

– Говоря откровенно, – ответил старик у порога, – я так думаю. Позвольте мне, Бланш де Малетруа, раз и навсегда изложить вам мой образ мыслей на этот счет. С тех пор как вы унизили себя и готовы были обесчестить мой род и имя, которое я носил и в мирное, и в военное время больше шестидесяти лет, вы потеряли право не только обсуждать мои решения, но даже смотреть мне в лицо. Если бы жив был ваш отец, он избил бы вас и выгнал из дома. У него была железная рука. Вы должны благодарить Бога за то, что имеете дело с бархатной рукой дяди, сударыня! Моя обязанность – выдать вас замуж. Из чистого доброжелательства я постарался найти для вас вашего собственного поклонника. Полагаю, что преуспел в этом. Но если это и не удалось мне, то – клянусь Господом Богом и всеми святыми ангелами Его! – это мне совершенно все равно. Потому позвольте мне рекомендовать вам быть любезнее с вашим юным другом, так как ваш лакей, например, был бы вам менее подходящим женихом.

С этими словами он вышел с капелланом, следовавшим за ним по пятам, и портьера опустила.

Девушка повернулась к Дени со сверкающими глазами.

– Что все это значит, сударь? – спросила она.

– Один Господь ведает, – ответил он мрачно. – Я пленник в этом доме, который кажется мне домом сумасшедших. Больше я ничего не знаю и ничего не понимаю.

– Скажите, пожалуйста, как вы вошли сюда? – спросила она.

Он вкратце рассказал.

– В конце концов, – добавил он, – может быть, вы последуете моему примеру и попытаете разрешить эти загадки? Боже мой, чем может все это кончиться?

Она стояла молча, и он видел, как дрожали ее губы, а глаза без слез горели лихорадочным огнем. Потом она закрыла лицо руками.

– О, как болит голова! – сказала она усталым голосом. – Что я могу сказать о себе? Но я обязана сообщить вам свою историю, как ни мало женственным это покажется. Мое имя Бланш де Малетруа. Я давно осталась без отца и матери – так давно, что едва помню их. Действительно, я была очень несчастна всю свою жизнь. Три месяца назад один молодой капитан ежедневно становился около меня в церкви. Я видела, что нравлюсь ему. Конечно, я заслуживаю порицания, но я так рада была, что хоть кто-нибудь любит меня, что, когда он подsunул мне письмо, я принесла его домой и прочла с большим удовольствием. С того времени он писал часто. Он боялся заговорить со мной, несчастный юноша! Он просил меня оставлять иногда вечером дверь отворенной, чтобы мы могли поговорить минуты две на лестнице, так как знал, насколько дядя доверяет мне!

У молодой девушки вырвалось нечто вроде рыдания, и прошло несколько мгновений, прежде чем она могла продолжать.

– Дядя мой человек жесткий и очень ловкий. Он проделывал массу хитрых штук на войне, был большим вельможей при дворе и очень близок к королеве Изабелле в прежние времена. Почему он стал подозревать меня – не знаю, но скрыть что-либо от него очень трудно. Сегодня утром, когда мы вернулись от обедни, он схватил меня за руку, заставил разжать ее и прочел маленькую записку. После прочтения он вежливо возвратил мне ее. В записке меня просили оставить открытой дверь – вот это-то и погубило нас всех. Дядя продержал меня в моей комнате до самого вечера, а потом приказал мне надеть этот наряд – жестокая насмешка для молодой девушки, не правда ли? Я предполагаю – так как дядя не мог добиться от меня, чтобы я назвала имя капитана, – что он устроил для него ловушку, в которую, по воле Божьей, попали вы. Я была в большом смущении. Могла ли я знать, что капитан захочет жениться на мне при таких тяжелых обстоятельствах? Может быть, он просто хотел подшутить надо мной и я показалась ему недостойной стать его женой? Поистине, я не представляла себе, что меня постигнет такое постыдное наказание! Не могу думать, что Бог допустит молодую девушку до такого позора перед молодым человеком! Я все сказала вам и не могу рассчитывать на то, чтобы вы меня не презирали.

Дени почтительно поклонился.

– Сударыня, – сказал он, – вы оказали мне большую честь, сделав такое признание. Мне остается только доказать, что я достоин ее. Где может находиться теперь сир де Малетруа?

– Должно быть, он пишет в соседнем зале, – ответила она.

– Могу я провести вас туда, сударыня? – спросил Дени.

Он подал ей руку, и оба вышли из часовни.

Бланш была очень сконфужена и расстроена, а Дени шел гордо, с сознанием важной миссии, которую он надеялся выполнить с честью.

Сир де Малетруа встал, приветствуя их ироническим поклоном.

– Сир, – сказал Дени, принимая самый важный вид, – я имею сказать вам нечто по поводу этого бракосочетания. Должен сообщить вам, что не приму участия в том, чтобы принуждать молодую леди к этому браку. При других условиях я был бы горд получить ее руку, так как чувствую, что она так же добра, как и прекрасна, но при настоящем положении дел, под давлением насилия я имею честь отказаться, мессир, от этой руки.

Бланш смотрела на него благодарным взглядом, а старик все улыбался и улыбался до тех пор, пока его улыбка не довела Дени до тошноты.

– Боюсь, господин де Болье, – сказал Малетруа, – что вы не совсем поняли меня. Я предлагаю вам выбор. Прошу вас, подойдите к окну.

И он направился к одному из больших открытых окон.

– Видите, – сказал старик, – тут имеется железное кольцо на верху окна, и сквозь него можно продеть очень крепкую веревку. Теперь слушайте меня внимательно. Если ваше нерасположение к моей племяннице будет непреодолимо, я велю вас повесить на этом окне еще до восхода солнца. Конечно, я прибегну к этому крайнему средству, поверьте, с большим сожалением, потому что я вовсе не желаю вашей смерти. Я только желаю выдать замуж свою племянницу. Если же вы будете упрямитесь, то сами пеняйте на себя. Ваш род очень почтенный, господин де Болье, но если бы вы даже происходили от Карла Великого, то и тогда вы не могли бы безнаказанно отказываться от руки де Малетруа – даже если бы невеста была так же вульгарна, как первая попавшаяся простонародная девка, и так же безобразна, как чудовища, как маски над моей дверью. В данном случае я забочусь не о ней, не о вас и даже не о собственных чувствах – вынуждает меня поступать таким образом честь моего дома. Она была скомпрометирована, и я считаю вас виновником этого. Быть может, я ошибся, но, во всяком случае, теперь вы знаете наш секрет и вряд ли будете удивляться моему требованию смыть это пятно. Если вы не хотите – да падет кровь на вашу голову! Не могу сказать, чтобы мне было особенно приятно видеть ваши останки болтающимися под моими окнами, но из двух зол приходится выбирать меньшее, и, если мне не удастся сегодня восстановить честь моего дома, я, по крайней мере, затушу скандал.

Наступило молчание.

– Я полагаю, что существуют другие способы для улаживания запутанных положений между джентльменами, – сказал Дени. – Вы носите шпагу, и я слышал, что отлично владеете ею.

Сир де Малетруа сделал знак капеллану, и тот большими шагами молча пересек комнату и поднял портьеру одной из трех дверей. Только на одно мгновение поднялась портьера и снова опустилась, но Дени успел заметить полутемную комнату, полную вооруженных людей.

– Если бы я был помоложе, господин де Болье, – сказал старик, – я с восторгом принял бы ваш вызов, но теперь я слишком стар. Верная стража – сила стариков, и мне приходится ею пользоваться. Очень тяжело сознавать, что стареешь, но с некоторым терпением можно и к этому привыкнуть. Вы и племянница, как вижу, желаете еще подумать и поговорить? Я предоставляю вам этот зал на два часа, так как не хочу пойти против вашего желания. Не спешите! – добавил он, поднимая руку, когда увидел угрожающее выражение лица Дени. – Если вас возмущает мысль быть повешенным, то для вас достаточно будет времени в течение двух часов, чтобы выбраться из окна или схватиться с копьями моей стражи. Два часа жизни – все же два часа. Много может измениться даже и в меньший срок. Кроме того, если я ясно понимаю выражение лица моей племянницы, она собирается что-то вам сказать. Вы не захотите испортить последние часы своей жизни невежливостью по отношению к даме.

Дени взглянул на Бланш. Она смотрела на него умоляющим взглядом.

Казалось, старик был чрезвычайно доволен этим симптомом соглашения, потому что, улыбнувшись им обоим, он любезно добавил:

– Если вы дадите мне честное слово, господин де Болье, подождать моего возвращения в течение двух часов и не предпринимать чего-нибудь отчаянного, я удалю стражу и предоставлю вам полную свободу беседовать с девицей.

Дени опять взглянул на девушку, которая, казалось, побуждала его согласиться.

– Даю вам честное слово, – проговорил Дени.

Мессир де Малетруа поклонился и заковылял по комнате, прочищая себе горло тем странным щебетаньем, которое так раздражало слух молодого человека.

Сначала старик взял какие-то бумаги со стола, потом подошел к двери мрачной комнаты и, казалось, отдал какое-то приказание людям, находившимся за портьерой. Наконец он направился к той двери, через которую вошел сюда Дени. На пороге он обернулся, чтобы послать

последний поклон и улыбку молодой парочке, и вышел в сопровождении капеллана, державшего в левой руке светильник.

Как только они ушли, Бланш подошла к Дени с протянутыми руками. Лицо ее возбужденно горело, в глазах стояли слезы.

– Вы не должны умирать! – воскликнула она. – Вам придется жениться на мне.

– Вы думаете, сударыня, – ответил Дени, – что я очень боюсь смерти?

– О нет, нет! – воскликнула она. – Я вижу, что вы не трус. Но я не могу вынести мысли, что вы можете быть убиты из-за такого недоразумения.

– Боюсь, – возразил Дени, – что вы недостаточно оцениваете трудность положения, сударыня. Я не могу принять то, что вы великодушно мне предлагаете, – я слишком горд. В момент благородного сострадания ко мне вы забыли о том, который, быть может, имеет уже право на ваши чувства...

Говоря это, он скромно опустил глаза вниз и продолжал стоять так, чтобы не видеть ее смущения. Она с минуту стояла молча, затем быстро отошла и, бросившись в кресло своего дяди, разразилась рыданиями.

Дени был в великом затруднении. Он огляделся, как бы ища чего-нибудь для вдохновения, и кончил тем, что, увидев стул, опустился на него, будто собираясь что-нибудь обдумать. Некоторое время он играл рукояткой шпаги, и если мысли у него и были, то лишь о том, что в тысячу раз лучше бы умереть раньше, чтобы тело бросили в самую грязную помойную яму Франции. Глаза его блуждали по залу, но не могли ни на чем остановиться. Он всматривался в широкие пространства между украшениями стен, терявшиеся в темноте комнаты; его понижало ощущение какой-то холодной пустыни. Постепенно Дени начало казаться, что он никогда не видел такой большой и мрачной церкви и такой печальной могилы. Всхлипывания девушки раздавались в правильные промежутки, и казалось, что ими можно измерить время, как тиканьем часов. Потом Дени обратил глаза на фамильный герб Малетруа и начал читать надписи на нем; дочитал и стал читать снова, пока глаза совершенно не утомились. Он перевел их в темные углы зала – ему показалось, что они кишат какими-то ужасными животными. Несколько раз он начинал дремать, но тотчас его пробуждала мысль, что последние два часа непрерывно убавляются, а смерть – все ближе и ближе.

Сперва изредка, а потом все чаще и чаще бросал он взгляды на Бланш. Она сидела наклонившись вперед и закрыв лицо руками; слезы ее перемежались иногда судорожными спазмами горла, но Дени, несмотря на такое печальное состояние, далеко не благоприятное для наружности молодой девушки, находил, что хотя она и полненькая, но чрезвычайно изящна. Он любовался ее смуглой кожей, которая, как казалось ему, дышит теплотой; а что касается ее кос, то он решил, что ни у одной женщины в мире не может быть таких прекрасных волос. Он заметил, что кисти ее рук очень похожи на замечательные руки дяди, но, конечно, они более шли к ее изящной фигуре; к тому же они казались бесконечно нежными и ласкающими. Он вспомнил взгляд ее голубых глаз, когда она на него смотрела сперва с выражением гнева, потом с признательностью и состраданием, и чем больше он любовался ее совершенствами, тем ужаснее начинала казаться смерть, тем глубже он страдал от непрекращавшихся слез несчастной Бланш. Он чувствовал, что нет ни одного мужчины, который нашел бы решимость расстаться с жизнью, прощаясь с такой прекрасной девушкой. И он дал бы сорок минут из своего последнего часа, если бы можно было вернуть назад его жестокие последние фразы, – как будто их никогда и не было.

Внезапно громко и резко закричали вторые петухи. Этот звук в тишине ночи был точно лучом света в темноте – он вернул их к действительности.

– Боже мой, неужто я ничем не могу вам помочь? – спросила она, подняв голову.

– Сударыня, – ответил Дени, – если я сказал что-либо для вас неприятное, обидное, – поверьте мне, я думал о вашем спасении, а не о своем.

Она поблагодарила его взглядом, полным слез.

– Я нахожу ваше положение ужасным, – продолжал он. – Ваш дядя – позор человечества! Его поведение по отношению к вам более чем жестоко. Но, поверьте мне, сударыня, нет такого молодого джентльмена во всей Франции, который не согласился бы, даже не обрадовался бы случаю пожертвовать жизнью, чтобы только оказать вам услугу.

– Я сразу увидела, что вы очень храбры и великодушны, – ответила она, – но мне нужно, мне необходимо знать, как я могу вам помочь, чем услужить теперь или... потом, – прибавила она с дрожью в голосе.

– О, очень легко, – ответил он с улыбкой. – Смотрите на меня как на друга, а не как на непрошеного бродягу, ворвавшегося сюда самым нелепым образом. Постарайтесь забыть, в какое неестественное положение нас поставили. Пусть мои последние минуты пройдут беззаботно, приятно – и вы мне окажете самую большую услугу, какая только теперь в вашей власти.

– Вы слишком любезны, – произнесла она, и лицо ее выразило глубокую печаль, – и ваша любезность... она меня огорчает. Сядьте, пожалуйста, ближе и, если у вас есть что-нибудь сказать мне вполне откровенно, говорите. Я вас слушаю внимательно, я никогда не забуду того, что вы мне скажете. Ах, сир де Болье! – вырвалось у нее внезапно. – Сир де Болье, как я могу смотреть вам в лицо? – И она разрыдалась с еще большей силой.

– Сударыня, – сказал Дени, взяв ее руки в свои, – подумайте о том коротком времени, которое осталось для моей жизни, и не омрачайте мои последние минуты зрелищем горя, которому я не в силах помочь, пожертвовав даже своей жизнью!..

– Правда, я думаю только о себе, – ответила Бланш. – Я буду тверже, сир де Болье, если это для вас приятно. Но подумайте, не могу ли я быть полезной вам, хотя бы в будущем? Нет ли у вас друзей, которым вы хотели бы передать ваше последнее прощание? Дайте мне какие угодно поручения: чем они труднее, тем душе моей станет легче. Дайте мне возможность делом выразить вам мою безмерную благодарность, а не только слезами!

– Моя мать вторично вышла замуж, и у нее есть о ком заботиться. Мои земли наследует брат Гишар, и я вряд ли ошибусь, если скажу, что это вполне его утешит после известия о моей смерти. Жизнь есть легкий пар, который пролетает мимо, – кажется, так говорится в священных книгах. Когда человек стоит на хорошей дороге и перед ним открыта вся жизнь, ему кажется, что он человек очень важный на этом свете. Конь встречает его веселым ржаньем; когда он проезжает по городу впереди своей свиты, трубы громко трубят, и девицы бросаются к окнам, чтобы взглянуть на героя. Отовсюду он получает – даже от самых знатных особ – выражения доверия и уважения. Неудивительно, что иногда успех кружит ему голову. Но как только он умер, то, будь он при жизни так же славен, как Геркулес, или так же мудр, как Соломон, все его скоро забудут. Не прошло десяти лет, как отец мой пал в бою и с ним вместе много известных в свое время рыцарей – бой был доблестный, о нем говорили с восхищением, – а теперь я уверен, что не только о них не думают, но даже забыли их имена. Нет, сударыня, если вы только вдумаетесь, вы увидите, что смерть есть темный, покрытый пылью угол. В нем человек обретает себе глухую могилу, из которой выйдет лишь в Судный день. Теперь, при жизни, у меня было очень мало друзей, а как только умру – ни одного не останется.

– Ах, сир де Болье! – воскликнула она. – Вы забыли Бланш де Малетруа...

– У вас очень мягкий и добрый характер, сударыня, и вы склонны оценивать маленькую услугу намного выше ее истинной цены!

– Это совсем не так, – ответила она. – Вы совершенно меня не понимаете, если думаете, что я так удручена своим собственным горем. Я говорила так потому, что вы самый благородный человек, какого я только встречала; потому что у вас такой ум, такая душа, которая сделала бы даже человека простого звания знаменитым в своем отечестве.

– И, однако, я должен умереть здесь, в мышеловке, – ответил он, – и мой предсмертный крик звучит не громче, чем писк убиваемой мыши.

Бланш не знала, что ответить. Лицо ее исказилось от горя, от непереносимой нравственной боли, но вдруг в глазах блеснул светлый луч, и она заговорила с улыбкой:

– Я не могу допустить, чтобы мой рыцарь так унижал себя. Всякий, кто жертвует своей жизнью для жизни другого, будет встречен в раю всеми герольдами и ангелами Господа. И затем, у вас нет причин отчаиваться, потому что... Скажите, считаете ли вы меня красивой? – спросила она, глубоко зардевшись.

– О, конечно, сударыня!

– Я этому чрезвычайно рада, – ответила она с воодушевлением. – А как думаете, много ли во Франции найдется мужчин, которым красивая девушка – собственными своими устами! – сделала бы предложение на ней жениться и которые отказались бы от этого предложения? Я знаю, что вам, мужчинам, нравятся победы другого рода, но мы, женщины, знаем, что более всего драгоценно в любви.

– Вы слишком добры, – сказал он, – но вы не заставите меня забыть, что предложение сделано мне из сострадания, а не по чувству любви.

– Почему вы так думаете? – спросила она, опустив голову. – Я сама еще не была уверена в своих чувствах. Выслушайте меня до конца, сир де Болье. Я знаю, что вы должны меня презирать, и сознаюсь, что слова дяди, да и собственные мои признания о том человеке, капитане... дают на это право. Я слишком ничтожное существо, чтобы занять ваши мысли, хотя, увы, именно из-за меня вам приходится умирать. Но когда я просила вас жениться на мне, то, конечно... поверьте мне, конечно, это было оттого, что я не только уважала вас и восхищалась вами, но и потому, что полюбила вас всей душой. Я полюбила вас с того мгновения, когда вы стали на моей стороне против моего непреклонного дяди. Если бы вы могли видеть самого себя, как вы были благородны и красивы в ту минуту! Вы жалели бы меня, а не презирали! И теперь, – воскликнула она, стремительно протянув руки вперед, – хотя я вам откровенно высказала все свои чувства, помните, что я узнала ваши чувства ко мне! Поверьте мне: я не буду больше утомлять вас неприятными для вас просьбами о согласии. Я слишком горда для этого, и объявляю перед лицом нашей Пресвятой Богородицы, что, если вы не возьмете назад своих слов, я не выйду за вас замуж. Это для меня, урожденной де Малетруа, так же невозможно, как выйти за конюха моего дяди!

На лице Дени показалась горькая усмешка.

– Невелика та любовь, – сказал он, – которая зиждется на гордости.

Она не отвечала, хотя, вероятно, на этот счет у нее было совершенно другое мнение.

– Уже рассветает, – сказал он, вздохнув, – подойдите сюда, к окну.

Действительно начинало рассветать. На горизонте появилась светлая полоска. Над извилинами реки и сводами леса расстился легкий туман. Вокруг все было тихо, и эта тишина нарушилась лишь криками петухов, оживленно встречавших начало дня. Над верхушками деревьев, под самыми окнами, повеял легкий ветерок. Свет разливался все шире, и наконец показался раскаленный красный шар солнца. Дени вздрогнул. Он взял руку Бланш и машинально удерживал ее в своей.

– Что ж, день уже начался? – спросила она, а затем с достаточной нелогичностью воскликнула: – Как долго тянулась эта ночь! Но, увы, что же мы скажем дяде, когда он вернется?

– То, что вы захотите сказать! – ответил Дени, пожимая ее пальчики.

Она молчала.

– Бланш, – проговорил он быстрым, но неровным, страстным голосом, – вы видели, что я не боюсь смерти! Вы знаете, что мне легче выброситься из этого окна, чем коснуться вас пальцем без вашего свободного и полного согласия! Но если вы хоть немного заботитесь обо мне, не давайте мне кончить свою жизнь с чувством тяжкого недоразумения, потому что я полюбил вас всей душой, – полюбил больше, чем весь мир! И хотя я с наслаждением готов

умереть за вас, но теперь я променял бы все награды рая на то, чтобы остаться жить, любить вас, служить вам всю свою жизнь!

Когда он кончил свою речь, где-то внутри дома громко ударил колокол, и бряцание оружия в коридоре показало, что стража вернулась на свой пост. Два часа времени уже истекли.

– И это после всего того, что вы слышали обо мне? – прошептала она, склоняясь к нему.

– Я ничего не слышал, – ответил он.

– Имя капитана было Флоримон де Шандивер, – прошептала она ему на ухо.

– Я не слышал этого имени! – ответил он, обнимая стройную фигуру девушки и покрывая поцелуями ее влажное от слез личико.

Сзади послышалось щебетанье, а за ним какое-то квохтанье, но на этот раз смех сира де Малетруа показался Дени очень мелодичным.

Он обернулся.

Дядя пожелал своему новому племяннику доброго утра.